

ПОПОВ ИВАН МИХАЙЛОВИЧ

Первый коми инженер-геолог

*"...На поприще изучения геологии и недр
я готов отдать все свои силы, свой опыт,
и, если потребуется, самую жизнь для
процветания и счастья, для блага и славы
Родины..."*

(Из дела N 3511 И.М. Попова).

Родной брат моего деда. Кто он был? До сих пор, хотя я многое о нем уже знаю, остаётся для меня загадкой. Почему он – первый высококвалифицированный геолог пришелся не ко двору дома? Где нашёл он последний свой приют? Почему до сих пор его имя и труды не известны?

Родился Иван Попов 1884 г. в с. Кибра Усть-Сысольского уезда Вологодской губернии в семье местного православного священника Попова Михаила Константиновича. Его бабушка со стороны отца, Антонина Алексеевна, приходилась родной сестрой поэту Ивану Куратову. О себе он писал в 1926 г. в автобиографии: "...С 5-летнего возраста дома же стали меня обучать грамоте и письму. Занималась мною старшая моя сестра. С нею же я прошел начальные курсы арифметики, русского языка и прочих в объёме программы начальных училищ.

Семья, в которой я воспитывался, была многочисленна, 12 человек, а потому и материальное состояние моего отца было далеко не завидное, даже бедственное, к тому же он не имел никакого недвижимого имущества, равно и капиталов.

На 8-м году жизни отправили меня в уездный город Усть-Сысольск и поместили здесь, после выдержанного мною проверочного испытания, учиться в духовное училище (мужской гимназии в то время в Усть-Сысольске ещё не было, да отец мой, из-за материальной недостаточности и не мог бы обучать меня в платной гимназии). По окончании этого училища, родители

мои отправили меня учиться в Духовную Семинарию, в Вологду. Ещё учась во 2-м классе Семинарии, у меня вилось стремление к получению высшего технического образования. Однако, получение высшего образования, особенно технического для семинариста того времени было делом весьма и весьма трудным: необходимо было иметь аттестат зрелости, а семинария в моё время формально его не давала. Поэтому волей-неволей мне пришлось окончить Семинарию, ибо, бросив начатое учение, готовиться исключительно к экзаменам на аттестат зрелости я не имел никаких средств, а отец едва платил за содержание моё в Семинарии.

Учась же в Семинарии, я пополнял свои познания сверх семинарской программы: в последние два года учения в Семинарии, в 5-м и 6-м классах, в свободное от прямых занятий время, а иногда и во время этих занятий, занимался я математикой, физикой и немецким языком, занимался при этом я один, самостоятельно, без руководителей: на наём их я не имел средств. По окончании Семинарии (по I-му разряду, со званием Студента Семинарии) я решил в ту же осень поступить в Университет на физико-математический факультет. Но и здесь для меня, семинариста, выбор был возможен только в один из 3-х Университетов: в Юрьевский (Дерптский), Варшавский и Томский. Я поехал в Юрьев, где имелся физико-математический факультет. Здесь я сдал успешно при Университете проверочные испытания по русскому и латинскому языкам (устно и письменно) и по математике (так же устно и письменно) и был зачислен в число студентов названного факультета. В виду того, что в Университете меня заинтересовали геолого-минералогические науки, я решил избрать их своей специальностью. В Юрьевском Университете было общее естественно-историческое отделение, секции геолого-минералогической не было, таковая имелась при Харьковском Университете, почему я и перевелся в последний. В Харькове окончил я Университет с дипломом I-й степени, в 1909 году и осенью того же года поступил в Горный Институт в Петербурге. Окончил я этот Институт в 1916 году, со званием Горного Инженера, первым, по первому разряду, с занесением имени на мраморную доску. Учась в Институте, я получал от Совета Профессоров за свои работы по учебным дисциплинам платные отзывы, за эти работы были присуждены мне и премии.

Ни к каким партиям я не принадлежал и не примыкал. Вся моя жизнь до Февральской революции протекала в учёбе. Средства к существованию во

время учения в высших учебных заведениях приходилось, главным образом, добывать самому (уроки, чертёжные работы, выполнение проектов технических и пр., во время каникул, иногда захватывая и учебное время, ездил на работы по разведке и эксплуатации нефти и др.), частично получая материальную помощь, в ничтожных размерах, от родных. Кроме того, приходилось мне же материально помогать в значительной мере и учившимся одновременно со мною в высших же учебных заведениях моим брату и сестре. Увлечение науками (учение) и в то же время добывание средств к существованию не давали мне возможности (времени) принимать участие в работах общественных организаций.

На военной службе я совсем не был, из-за физического недостатка: близорукость, острота зрения 0,01 нормального в обоих глазах. Репрессиям я не подвергался, не был и судим.

Работа моя после февральской революции представляется в следующем виде:

1. с 1918 по 1920 год: состоял сотрудником Инженер-Контролёром, при Вологодской губернской Учётно-Контрольной Инспекции (РКИ). Работал по назначению в Чрезвычайной Ревизии от Совета Труда и Оборона и в тот же период работал в Научно-Техническом Комитете при Вологодском Губсовнаркоме, как член коллегии и Геолог Комитета по выбору.
2. с 1920 по 1921 год: в Кажимском Горном Округе – состоял Председателем правления Округа Северо-Вятского Горного района, по назначению.
3. с 1921 по 1922 г. - состоял Инженер-Консультантом при Коми Облсовнархозе, - по назначению.
4. в 1922 году состоял Заместителем Директора и Членом Правления в Коми Тресте промышленных предприятий, - по выбору.
5. с 1922 по 1923 год: в Коми Госплане - состоял, по назначению, Заместителем председателя и членом Обгосплана. В этот же период времени был заведующим коммерческо-оперативным отделом в Коми Областной Конторе Акционерного общества "Хлебопродукт".
6. с 1923 по 1924 г.: был Секретарём редакции журнала "Трудовая кооперация", органа Коми Обсоюза Кооперативов.

7. с 1924 по начало 1926 года: состоял редактором журнала "Коми Му", органа ОИК-а и Облбюро Краеведения.

8. с 20/III с.г. по 1/VII с.г. - состоял Техническим Инспектором при Коми Отделе Труда.

9. с 1/VII-1926 года - состоял Инженер-Консультантом по секции Местного хозяйства при Обплане.

Кроме того, помимо исполнения обязанностей по этой или иной из указанных должностей, я занимался лекционной работой: с января 1924 года до 1 сентября 1926 года читал лекции в Педтехникуме повышенного типа по циклу геолого-минералогических наук и теоретической механике.

Имею желание работать по полученной мною специальности – по горно-геологическому делу и горно-заводскому делу. В этой отрасли работ и полагаю наиболее целесообразным использовать меня, ибо я, занимаясь той или другой должности, весь мой досуг посвящал и посвящаю к ознакомлению с новостями в области горно-геологических и горно-заводских работ (журналы, книги на русском, немецком и английском языках).

Объектом моих работ в Обплане являются, главным образом, если не исключительно, предприятия области, как в ней представлены в основном в виде горных и горно-заводских и геологические разведки, - поэтому использование себя на должности Инженер-Консультанта считаю уместным".

Это он писал о себе в 1926 году в автобиографии, как работник Облплана.

Вспоминаю со слов мамы, что дядя ей рассказывал, поступив в Горный институт, он остался без средств к существованию, стипендии в то время там не выплачивали и он одновременно поступил в Юрьевскую военно-медицинскую академию, в которой платили стипендию студентам. Так он учился одновременно в двух институтах. В 1913 году он успешно закончил военно-медицинскую академию и получил звание лекаря.

В 1925 году он женился на вдове, Ольге Николаевне Лениной, её мужа Леонида Александровича Ленина расстреляли 1918 году. К этому времени она имела четверых детей, младшую, Наталью, Иван Михайлович усыновил

и это благодаря её сохранился архив её отчима. В этом же году он покупает дом по улице Интернациональной 108 у фельдшера Шипунова В.В.

Сохранилась рукопись Попова И.М. 1927 года: "Полезные ископаемые и базирующая на их эксплуатации добывающая промышленность района влияния Пинюг-Устьсысольской железной дороги". Это довольно объёмный труд около 300 рукописных листов, исписанных мелким убористым почерком. В этом труде собран материал об открытиях и освоении полезных ископаемых по всей территории Коми области.

О дальнейшей своей деятельности Попов И.М. подробно излагает в Деле N 3511 в заявлении на имя Ежова в 1937 году, после своего ареста: "...Сознание беспомощности в установлении своей невинности, в предъявляемом мне обвинении, вынуждает обратиться к Вам с просьбой...

...В первой половине 1929 года я занимал должность Учёного Секретаря Коми Областного Бюро Краеведения при Коми Облисполкоме. Но и в эти годы, начиная с 1924 г., я не прерывал изучения геологии и месторождений полезных ископаемых Коми области в свободное от служебных занятий время. Со II-й половины 1929 года, благодаря открывшейся возможности, я перешел исключительно на геологические и геолого-разведочные работы (полевые и камеральные) по заданиям Коми ООМХ. В конце 1930-нач.1931 г. я был приглашён для работ в открывшуюся тогда в Коми Области Сыктывкарскую Геолого-Разведочную Базу. В ней я состоял заведующим оперативно-производственным отделом и временами техноруком; параллельно с этим, по поручению Базы, вёл и полевые геолого-разведочные работы (с камеральной обработкой материалов по ним). С ликвидацией этой Геолого-Разведочной Базы, со второй половины 1933 г. состоял научным сотрудником при Коми Областном Музее по сектору Геологии и Полезных Ископаемых и промышленным использованием последних. С организацией в конце 1934 года Коми Научно-Исследовательского Института, где и состоял научным сотрудником по сектору Геологии и Полезных Ископаемых. На последней работе я состоял по момент своего ареста.

Вся служебная деятельность протекала всецело в области моей специальности, как горного инженера и геолога, в последние 16 лет исключительно по территории Коми АО и целиком в её юго-западной

половине (бассейнах рек Вычегды, Лузы и верхней части Мезени, с их притоками).

Наряду с выполнением заданий из области геологических вопросов со стороны отдельных учреждений. Они касались геологической оценки места, намечавшегося для сооружения каменного здания Дома Культуры в г. Сыктывкаре (вблизи Красной площади), и местности под лесопильный завод (в 19-ти км от г. Сыктывкара, на берегу р. Вычегды, под с. Слободой).

В числе моих исследовательских работ имеются такие, которые совершенно опровергают данные предшествовавших мне исследователей. Достаточно, для примера указать хотя бы на следующий факт: Вблизи г. Сыктывкара (примерно, в 2,5 км от него), в местечке на правом берегу р. Дырнос, произведены были в разное время различными лицами 5 или 6 исследований на пригодность местной глины для выделки красного кирпича. Получавшийся в пробных и напольных печах из местной глины кирпич был всегда трещиноватый или даже совсем негодный для строительных целей. Здесь были произведены исследования Сорокиным, Салтуриным и геологом И.Е. Худяевым, - последним два раза в 1926 и 1928 годах. Результаты исследования этих лиц указывали на неудовлетворение и самой глины и её залежей. Произведя летом 1929 года свои исследования этого месторождения глины и поставив лично ряд технических испытаний её вплоть до выделки и обжига кирпича, я пришёл к обратному заключению: запасы глины определялись весьма значительных цифрах, обеспечивающих возможность вырабатывать в течении десятков лет кирпич при годовом производстве в 10 000 000 шт., глина данной местности, вполне пригодна для кирпича и не нуждается в каком-нибудь особом добавлении к себе песка. Осенью того же года мною было дано о достигнутых результатах собственное заключение и было приступлено ещё зимой 1929-1930 года к постройке завода, с производством в 8 000 000 шт. кирпича в год. Мною же были произведены исследования местности под сооружения гофманской печи и кирпичной трубы к ней (высотой около 50 метров). К настоящему времени, давно уже этот завод на полном ходу.

В последнее время работы моей в Коми НИИ выражалось в составлении сводок и отдельных обобщений по геологии и полезным ископаемым юго-западной половины Коми АО, как подведение итога результатам моих личных наблюдений и изысканий (равно и сведений), проведенных (и

собранных) мною здесь на протяжении последних 16-и лет, и как труд, необходимый для дальнейшего планирования и развертывания геологических и геолого-поисково-разведывательных работ в указанной части Области, что, в свою очередь, связано с выявлением потенциальной возможности богатств местных недр, в целях их использования. В связи с этим мною начато составление монументального труда. "Геология и полезные ископаемые юго-западной половины Коми АО, включая в себя главы и об использовании богатств недр (горная и горно-заводская промышленность и кустарную добычу ископаемых) в этой части Коми Области и перспективы их использования с приведением возможно полной библиографии (печатных и рукописных материалов) с аннотацией и критическими замечаниями.

В заключение прошу: использовать меня в области изучения недр по изучению геологии и полезных ископаемых юго-западной части Коми АО. Прошу о последних потому, что последние 16 лет моей работы посвящены были собиранию материалов и непосредственным личным полевым наблюдениям по изучению геологии и богатств недр этой сравнительно не изученной части Коми области. Как результат этого многолетнего изучения мною намечен к составлению капитальный труд "Геология и полезные ископаемые Юго-Западной части Коми АО", которому требуется дать определённую оформленную законченность, без чего вся проведённая мною в данной области работа явится бесследно пропавшей, без всякой пользы для социалистического строительства. Тем более считаю, что выполнение другим исследователем этой работы потребует с его стороны вложения энергии и затраты времени несравненно больше, чем осталось для меня по окончании оформления труда. Наиболее удобным пунктом по завершению названного труда служил бы, всего лучше, г. Сыктывкар, где бы, помимо того, я мог оказать при наличии всего одного горного инженера-геолога в этой части Коми области, и консультативную помощь хозяйственным учреждениям и предприятиям по вопросам геологии и использованию местных полезных ископаемых".

Он ещё надеялся, что его арест какое-то недоразумение и его должны в скором времени освободить. С первых дней заключения Иван Михайлович просил дать ему возможность продолжать научные работы. Из статьи В.Полещикова "Оставался геологом" (Красное знамя 18.01.1991 г.) я узнала,

что И.М. Попов отбывал свой срок в Воркуте. В карточке заключенного указано, что он работал в должности инженера-горняка. Освобожден в сентябре 1939 года и уехал в Мурманскую область.

На этом следы Ивана Михайловича теряются, никто не знает, где он мог пропасть, но на родину он больше не вернулся и сообщений о нем его родные больше не получали. С 1954 года он признан умершим, но где и когда он умер никто не знает.

По заявлению его приемной дочери, Поповой Натальи Ивановны, в 1957 году дело по обвинению Попова И.М. было пересмотрено Президиумом Верховного суда Коми АССР и отменено "за недоказанностью вины осужденного".

Мне очень бы хотелось, чтобы имя его не было забыто на родине и труды его нашли достойную оценку.

Из дела № 3511 (начато 10.09.1936 г. – окончено 07.02.1937 г.)

Прокурору по спец. Делах АО Коми. Просим дать санкцию на арест гр-на Попова Ивана Михайловича, 47 лет, уроженца с. Кибря Сысольского р-на АОК, сын священника, по национальности коми, б\п, инженер-геолог, проживает в Сыктывкаре.

Попов работая при Сыктывкарском музее состоял членом к-р группировки. Устраивал нелегальные к-р сборища, на которых присутствовали исключённые из партии троцкисты и буржуазные националисты Старцев Г.А. и др.

Систематически на протяжении ряда лет проводит а\с агитацию буржуазно-националистического характера, направляя её против мероприятий партии и Советской власти.

Попов подлежит аресту и привлечению к ответственности по ст. 58 п.10, ч.1 и ст. 58 п.11 УК РСФСР.

Вр. Нач. УНКВД по КО Ст. лей-т ГБ – Андреев. Нач. СПО УГБ УНКВД л-т ГБ – Выжленцов. Арест согласован: прокурор по спецделам АОК – Нетыкса. 10.09.1936 г. г. Сыктывкар.

Ордер выдан 10.09.1936 г. Сотруднику Упр. НКВД по Коми Обл. – Петухову произвести обыск и арест гр. Попова Ивана Михайловича, проживающего по ул. Интернациональная, 36 (Старая нумерация – А.М.).

Из протокола обыска от 1936 г. сентября 11 дня: «Я, ст. уполномоченный мл. л-т ГБ Петухов, произвел обыск у гр. Попова И.М., при обыске присутствовал Баровиков М.В.». Изъято вещей в т.ч. геологопереписка – 15 папок, переписка Коми обл. бюро краеведения – 7 папок, материалы геологических поисков – 3 папки, геологические исследования – 44 папки, книги «Коми Му» - 88 шт., личные письма – 1 корзина т.п. 120 пунктов.

Секацкий, рассмотрев дело Попова И.М., нашёл, что к-р агитация обвиняемого следствием доказана, но организованная к-р деятельность не подтвердилась, а посему постановил: ранее предъявленные обвинения Попову И.М. по ст. 58 п. 11 УК в виду недоказанности снять.

Из протокола допроса от 20.09.1936 г. ответы И.М. Попова.

Работая в НИИ в помещении Сыктывкарского музея, я был знаком с директором Шулеповым Михаилом Николаевичем, ныне директор Пединститута и Оботуровым Иваном Ивановичем. С бывшим учёным секретарём НИИ Сметаниным Фёдором Сергеевичем. Позднее с учёным секретарём Бабушкиным Александром Ивановичем и с июня м-ца 1936 г. с секретарём Нечаевым Григорием Андреевичем. Имел знакомства с врачом Розановм. Имел знакомства с работниками музея Старцевым, групповодом Фроловой Людмилой и агрономом-огородником Строговым Алексеем Петровичем. Из родственников связь есть только с Беловой Еленой Александровной, сестра 2-юр. моей жены, работает медсестрой в обл. больнице. Батиева Д.А. я знаю с 1924 г., познакомился по работе в редакции журнала «Коми Му», позже работал с ним в бюро краеведения. Ответственным редактором журнала «Коми Му» был Маегов Афанасий Андреевич, теперь работает профессором военной академии в Москве. Шахов Николай Александрович ведал литературным отделом журнала и Сидоров Алексей Семёнович. Председателем бюро краеведения был Мишарин Ефим Михайлович, в то время председатель облисполкома. Близких знакомых за исключением своей жены, которая находится у своего сына в Ленинградской обл., я не имею и ни с кем не переписываюсь.

02.10.1936 г. В к-р организации Батиева не состоял. Об этой организации узнал только после ареста Батиева, спустя много времени. Политическая физиономия Батиева мне была неизвестна. Переписку с ним после его заключения я не имел. Амосова Рафаила Николаевича знаю, он 2-юр. брат моей жены, которая в письме просила меня принять его.

04.10.1936 г. Допрос свидетеля Сметанина Ф.С.: «Попова И.М. знаю с января 1935 г. Первый раз заходил к Попову И.М. 24 июля 1936 г., он сидел у себя в саду вместе с врачом Розановым. В моё присутствие Попов и Розанов вели беседу о развитии медицинской науки у нас и за границей. Попов говорил: «Несмотря на все наши достижения, т.е. СССР, всё же наука в Германии развивается быстрее, чем у нас, и германцы являются носителями, двигателями науки. Нужно ожидать, что в будущем во всей Европе гегемоном во всех отношениях будет Германия». В доказательство приводится пример Розанова, статью которого не опубликовали в Ленинграде, а во Франции опубликовали. Второй раз я заходил к Попову 30 июля 1936 г., там уже был Розанов и несколько позднее пришел адм\ссылный троцкист Строгов А.П. со своей женой Крысовой Н.Н. В начале разговора Розанов обижался на то, что его обидела партия, что его сына сослали в лагерь. Попов сказал: «я чистокровный коми, люблю коми народ и страдаю за них, я желаю того расцвета Коми, чтобы утереть другим нос, но при теперешнем положении этого не выйдет, я бы хотел не только кричать, но и работать для блага коми народа, но меня душат, на меня давят со всех сторон, и мне даже тяжело вздохнуть». И добавил, что их, местных специалистов коми, не ценят, обижают, а приезжим бросают уйму денег. На моё сообщение о преобразовании Коми области в республику воскликнул: «Наконец-то! Как же руководство Советского правительства могло согласиться на образование республики, это ведь никак не согласуется с их империалистической политикой. Их политика по отношению к Коми области была захватническая». Знаю, что в прошлом Попов был националист, он был в тесной связи с к-р националистом Батиевым и Поповым Сергеем (осужден за к-р националистическую деятельность в 1934 г.). 25 мая 1936 г. приезжал в Сыктывкар з\к Ухтпечлага геолог Тихонович. 18 июля 196 г. в беседе со мной Попов заявил, что Тихоновича приглашали в Москву, при этом высказал сожаление в отношении Тихоновича, что якобы его напрасно держат в лагерях и доказывал, что он не вредитель».

10.10.1936 г. Портрет Троцкого мною был брошен в амбар в 1925 г., и он валялся там, где и был обнаружен при обыске. У меня были мои студенческие погоны горного института – наплечники и погоны студента военно-медицинской академии, последние по-видимому остались на вышке, где и были обнаружены от прежнего владельца дома, сыновья которого учились в военно-медицинской академии. Пишущая машинка мной была приобретена ещё будучи студентом в г. Ленинграде в 1911-1912 гг. для побочного заработка по переписи геологических отчётов. Последнее время она стояла без использования, ибо шрифт в ней старый и она с буквами в три яруса.

10.10.1936 г. Очная ставка со Сметаниным. Попов И.М.: «Существо моего разговора, о котором показал Сметанин, я не могу подтвердить и тоже не могу отрицать, т.к. я не помню, был пьян. 6 августа 1936 г. в разговоре со Сметаниным я только утешал его, что вопрос его исключения выяснится». Сметанин Ф.С.: «18 июля 1936 г. Попов заходил ко мне и в разговоре обижался, что его как местного специалиста не ценят, что он согласен поехать хоть на Сахалин, но его туда не пускают, т.к. там его как хорошего специалиста могут японцы подкупить, ибо японцы народ культурный и высоко развитый, умеет ценить специалистов и будущее принадлежит им». Попов И.М.: «18 июля 1936 г. в квартире Сметанина Ф.С. я был, но разговора с ним в отношении Японии не помню. Ссылкой на пьяное состояние я не увиливаю от прямых ответов. Я говорю, как было на самом деле».

11.10.1936 г. Автором книги «Проблема экономического развития Коми области», которую изъяли за к-р содержание, является Житинский, ответственным редактором книги был председатель облплана Попов, я был только технический редактор, а поэтому за содержание книги ответственности не несу.

12.10.1936 г. Допрос свидетеля Строгова А.П. «Знаю, что Попов настроен антисоветски. Он говорил, что в Советском Союзе русский народ является ведущим и диктует политику для других наций. В силу этого в СССР нет самостоятельности, культуры и экономического развития мелких национальностей, в т.ч. и в Коми области. За всякие высказывания об автономии репрессируют людей, как пример приводил Батиева (осужден 1934 г.)».

25.10.1936 г. Зимой этого года, будучи больным, я обращался к врачу Розанову за консультацией. Желая отблагодарить его, я приглашал его на чашку чая. При двух встречах присутствовал Сметанин Ф.С. и при одной встрече присутствовал адм\ссылный агроном Строгов. На политическое темы с Розановым я не говорил, а поэтому о его взглядах ничего показать не могу. В 1910-1913 гг. я учился в Ленинградском горном институте и ездил на практику в Уральскую обл. Работами там руководил Тихонович Николай Николаевич. В 1935 г. в Сыктывкаре была конференция по изучению производительных сил Коми обл. На эту конференцию вместе с группой северного бюро АН с г. Архангельска приезжал и Тихонович, личной беседы у нас с ним не было. Зимой этого года Тихонович с Ухтпечтреста ехал в Москву и по дороге останавливался в Сыктывкаре, заходил к нам в институт, но никаких бесед на политические темы у меня с ним не было. С Старцевым Георгием Афанасьевичем я знаком по совместной работе в Коми Музее 1933-34 гг. Связь была только служебной, бесед на политические темы я со Старцевым не проводил. Батиева я знал не как к-р националиста, а как хулигана-пьяницу. Поручений Батиев мне никаких не давал. Моя жена Попова О.Н. дочь учителя с г. Вологды, бывшая фамилия её Белова. Первый муж её, некто Ленин Л., до революции был якобы земским начальником. По сведениям расстрелян в первые годы революции. В настоящее время жена проживает в Сыктывкаре.

27.10.1936 г. Допрос свидетеля Крысовой Н.Н. «Знакома с Поповым с 1934 г. по совместной работе в музее. В июле 1936 г. я со своим мужем Строговым заходила к Попову, у него сидели и выпивали врач Розанов и Сметанин, которые вели разговор о проекте новой конституции и о преобразовании Коми области в республику. Попов говорил, что новую конституцию дают под давлением масс, которые этого давно добиваются. Конституция будет формальным законом, а угнетение русскими мелких национальностей останется таким же, как было и раньше»

31.10.1936 г. Розанов Д.И. и Сметанин Ф.С. у меня действительно были, мы в моём саду пили чай, но я им не говорил, что за границей научные труды и научных сотрудников ценят лучше, чем у нас в СССР, т.к. я весьма скептически отношусь к иностранным публикациям. О том, что Германия является носителем и двигателем науки и что в будущем она будет гегемоном во всех отношениях, я этого не говорил. Никогда я не говорил, что

политика Северного края по отношению к Коми области является захватнической политикой и не мог я этого говорить, т.к. националистом я не был ни в прошлом, ни в настоящем. По моему понятию геолог по крайней мере должен прожить несколько лет на одном месте для того, чтобы всесторонне изучить данную местность со всеми её полезными ископаемыми. Я как местный специалист в достаточной степени изучил, вернее, ознакомился с юго-западной половиной Коми области. Мною было разработано несколько проектов для проведения работ, но мне в этом не было оказано достаточной помощи, в силу чего я порядочное время не давал той продуктивности работы, которые я мог бы дать при поддержке, а поэтому я и говорил, что мне не дают развернуться в работе. В этих моих словах националистического ничего не было, я говорил только по качеству.

10.11.1936 г. Допрос свидетеля Бабушкина А.И. «Попова знаю с 1925 г. по работе. Попов стоял за то, чтобы поменьше было приезжих специалистов, они приезжают наживать, получают тройную зарплату, а в результате ничего не делают, а местные специалисты обходятся дешевле и работа их продуктивнее».

11.11.1936 г. Очная ставка со Строговым А.П. Попов И.М.: «Знаю Строгова А.П., он работал в огороде при институте, встречались по совместной работе. Взаимоотношения с ним были обыкновенные». Строгов А.П.: «В феврале 1936 г. я был на квартире Попова. Говорил, что сейчас людей судят не за действия, а за идею. Зиновьева и Каменева осудили за идею. Батиева, который боролся за автономию Коми республики и за это его осудили. Чего при старом строе не было, тогда людей судили за дела, а не за идею». Попов И.М.: «Ни в какие рассуждения со Строговым, да и вообще с кем бы то ни было, я никогда не вступал. О национальной политике я никогда ни с кем не говорил. И не говорил, что людей судят за идею, это больной вопрос самого Строгова». (При очной ставке присутствовал прокурор по спецделам АОК Нетыкса).

11.11.1936 г. Очная ставка с Бабушкиным А.И.: «В июне м-це 1935 г., после того, как бывший председатель ОИК-а Коюшев и другие были сняты с руководства за буржуазно-националистическую деятельность, Попов в одной из бесед со мной высказал своё сожаление к ним, он говорил, что Коюшев умный и хороший человек и что от работы он отстранён напрасно. Что местное руководство не ценит местных специалистов, не даёт им проявлять

собственные инициативы, а вместо этого руководство тратит большие средства на приезжих, работа которых продуктивности не даёт». Попов И.М.: «Знакомства с Коюшевым и др. националистами я не имел, а поэтому высказывать своё сожаление я не мог. По отношению неудачных геологических исследований, произведённых приезжими геологами я высказывал недовольство, потому что терялись время и деньги, а продуктивности в работе не было, об этом я докладывал начальству. С Бабушкиным я не мог говорить о коми специалистах, т.к. их не было, кроме меня. Я о себе нигде не говорил».

Дополнение Попова: «За всё время моей служебной горно-инженерной деятельности я всегда старался выполнить свои работы добросовестно на совесть, правдиво, причём весьма много работ по своей специальности выполнял я совершенно безвозмездно. Неудачные геологические изыскания, проводимые другими исследователями, всегда болезненно отражаются во мне и я всегда был готов своим трудом и посильными знаниями немедленно ликвидировать создавшийся прорыв».

09.12.1936 г. Обвинительное заключение. Произведённым по делу следствием установлено, что обвиняемый Попов в течение 1936 г. среди своих знакомых систематически вёл к-р агитацию, выражающуюся в том, что восхвалял фашизм, распространял к-р клевету на национальную политику Советской власти, брал под защиту участников троцкистско-зиновьевского террористического центра и у себя на квартире хранил портрет к-р Троцкого.

Попов виновным себя не признал. Изобличается показаниями свидетелей и очными ставками с ними.

Осужденный 7 февраля 1937 г. по делу № 3511 к ИТЛ на 3 года Попов И.М. направляется в распоряжение Ухтпечлага.

Из Заявления приёмной дочери Поповой Наталии Ивановны от 5 ноября 1956 г.: «Зная моего отчима, как человека, преданного науке, отдавшего все силы и знания делу изыскания полезных ископаемых Северного края и отнюдь не занимавшегося политикой, я не могу согласиться с тем, что он был справедливо осуждён за измену Родине. Прошу Вас, товарищ Прокурор, пересмотреть дело моего отчима – Попова Ивана Михайловича и сообщить мне состав его преступления, возможна ли его реабилитация, и где он находится в настоящее время. Если его нет в живых, то где он похоронен».

***Попов Модест Михайлович
(1890-1942)***

***Попов Иван Михайлович
(1884-1936 репрессирован)***

Братья Поповы Александр и Иван

